

Глава 1

Кар!

В самом начале урока произошел инцидент. Ну как инцидент — неприятное недоразумение. Инга переговаривалась с Шишкиным, совсем негромко, вполголоса, но химичке Руфине Леонидовне это так не понравилось, что она их взяла да и рассадила. Теперь Инга сидела за последней партой одна. Не то чтобы ей это нравилось, но из чувства противоречия она решила наслаждаться своим положением. А что? Вся парта в ее собственном распоряжении, никто рядом не шуршит, не возится и не сморкается, да и обзор теперь прекрасный. но, оглядев унылый класс и не зацепившись взглядом ни за кого из скучающих одноклассников, Инга все же обратила свое внимание на учительницу, как та и хотела.

— Посмотрите внимательно, как нужно нюхать химический раствор! Ни в коем случае не наклоняйтесь, не приближайте лицо к пробирке! Не вдыхайте полной грудью, направляйте к себе воздух плавным движением ладони.

Руфина Леонидовна, стоя у кафедры прямая и деревянная, как палка, помахала негнущейся рукой у себя перед носом. Вылинявшие желтые волосы — словно их окунули в растворитель — были собраны у нее в туго затянутый конский хвост, отчего вытянутое мышинное личико учительницы выглядело еще острее. Своими немного механическими движениями она напоминала биоробота. Номер с правильным нюханьем химичка исполняла на уроках несколько раз в год. Этот жест опытного химика настолько вошел у нее в привычку, что однажды на перемене Инга заметила, как, проходя мимо мужского туалета, Руфина Леонидовна принюхалась таким же образом.

Больше смотреть на химичку не хотелось. Инга оглядела товарищей по несчастью. Класс у них был довольно дурацкий. Мальчишек больше, чем девченок, что, конечно, хорошо. Жаль только, что пацаны в основном придурки. А с девчонками Инга никогда особенно не дружила.

Не то чтобы она любила или не любила свой класс. Скорее поражал тот факт, что именно вот эти люди — ее одноклассники и ими останутся уже до конца жизни. Хотя после школы она их, может, никогда и не увидит.

Только она собралась соскучиться, как в дверь постучали и вошел директор школы Борис Михайлович — фамилия у него настолько трудно выговариваемая, что Инга однажды полдня ее учила, но так и не выучила. Директор был молодой, не каждая школа могла таким похвастаться, всегда немного смущенный, носил круглые ботанские очки и выделялся пышной, в мелкий барашек шевелюрой.

Борис Михайлович, неловко улыбаясь, прошел к кафедре, ведя за собой щупленького школьника. Еще раз улыбнулся поднявшемуся при его появлении классу, пошептался о чем-то с Руфиной Леонидовной и громко сказал:

— Вот, ребята, новенький одноклассник у вас. Игорь Дарьин. Сейчас мы прерывать занятие не будем, но на перемене вы обязательно подойдите к новому ученику и познакомьтесь. Садись, пожалуйста, — обратился он к новенькому.

Тот, ни на кого особо не смотря, пошел и уселся на первое попавшееся свободное место. А Борис Михайлович тихо выскользнул из класса. Руфина Леонидовна тут же продолжила бубнить, словно никто ее и не прерывал:

— Химически активный элемент при неосторожном обращении может оказать на ваш организм нежелательное воздействие...

Зато теперь у Инги прямо по курсу наблюдался новенький. Он сидел рядом с Годовской, устремив взгляд куда-то внутрь себя, и довольно улыбался.

Вид его Инга оценила как достаточно дурацкий. Но еще неизвестно, какой был бы у нее вид, если бы она в первый раз пришла в чужой класс. А вот черты лица новенького оказались красивыми. Точеными. Годовская уже с деловым видом что-то писала. Инга закатила глаза. Писать им ничего пока не говорили. Но Годовская всегда строит из себя самую умную. Инга незаметно протянула руку и достала из рюкзака скрапбук, на обложке красовалась иллюстрация из старинного издания «Алисы в Стране чудес». Пряча альбом под столом, она раскрыла его, с новой страницы ей улыбнулся Чеширский кот. Под его улыбкой расплывалась надпись: «Мы здесь все немного не в себе!» Инга взяла с парты остро отточенный карандаш. Некоторое время задумчиво смотрела на белый лист и потом принялась рисовать.

Руфина Леонидовна продолжала вкладывать в головы учеников ценные знания. Класс, немного взбудораженный появлением нового лица, шушукался. И никого не рассаживали! Инга увлеченно чиркала карандашиком в альбоме. Когда наметился контур, она чуть отодвинула от себя альбом и любовалась результатом. Нарисован был новенький. Вернее, его голова в полупрофиль. И вроде портрет неплохо получился. Дарьин был подстрижен смешным ежиком, карандаш, конечно, сразу запросился нарисовать такое. А потом уж прямой нос. Длинные ресницы. Глаза темно-темно-карие. Вот только взгляд... Инге никак не удавалось его поймать.

Тут она заметила, что Бильбиян с соседнего ряда заинтересованно смотрит, что она там держит в руках, и быстро опустила блокнот. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь заметил ее рисунок! Сразу заорут: влюбилась! Дураки все такие! Инга спрятала скрапбук обратно в рюкзак. И принялась разглядывать качающиеся ветки за окном. Этим увлекательным делом она занималась, пока не прозвенел звонок.

На перемене, выйдя в коридор, она увидела, что одноклассники столпились у окна, и тоже подошла. В центре, окруженный ребятами, внявшими, видимо, просьбе директора, стоял новенький. Он ничуть не смущался общего внимания, но реагировал как-то странно. В глаза никому не смотрел, говорил

неестественным, гортанным голосом, интонация то прыгала вверх, то вниз, то он непонятно растягивал слова, то вдруг и некстати громко хохотал, словно кривлялся и передразнивал. На вопрос «Ты откуда?» очень серьезно ответил: «Ярославская, 22-13». Еще Инга услышала «люблю в шахматы играть», сказанное как-то совсем некстати.

А когда Кемаль Тексез всем своим внушительным весом и ростом надвинулся на него и снисходительно назвал свое имя, новенький вдруг раскатисто произнес:

— Это о-о-очень смешно!

— Что смешно? — ошарашенно, но одновременно с наездом переспросил Кемаль.

— Звучит! — радостно и простодушно отозвался новенький.

Ребята, озадаченные его поведением, переглядывались, хихикали и отходили. Наконец и до Инги дошла очередь познакомиться.

— Привет! Меня зовут Инга, — она протянула ему руку.

— Ии'гра? — новенький вдруг перестал смотреть в сторону и с интересом взглянул ей прямо в глаза.

— Нет, не Игра, а Инга.

Он пожал в ответ ее руку.

— Привет! Меня зовут не Ингорь, а Игорь, — произнес он улыбнувшись, и взгляд его опять куда-то уплыл.

Возникла неловкая пауза.

— А ты из какой школы к нам... — начала было Инга.

И тут он неожиданно и резко приблизил к ней свое лицо и крикнул прямо в ухо:

— Ка-а-ар-р! — сорвался с места и помчался в другой конец коридора.

— Вот придурок! — Инга прижала ладонь к звенящему уху.

На следующем уроке новенький сидел как ни в чём не бывало и, кажется, каркать ни на кого не собирался. Это что, такое специальное приветствие для нее? Или надо просто подождать еще каких-нибудь неожиданных проявлений? Что-то подсказывало Инге, что одним «Кар!» этот ее одноклассник не обойдется. Нечто неспокойное таилось в его глазах — и оно того гляди могло прорваться наружу. Чувствовалась в нем опасность, словно бомба с часовым механизмом. Бомба тикала, ожидался взрыв — но точный час был неизвестен.

Математика шла своим чередом. Новенький прилично разбирался в предмете и внимательно слушал объяснения учительницы. Ближе к концу урока Татьяна Аполлоновна объявила самостоятельную. Тексез закатил глаза и взвыл, все возмущенно завозились. Но, конечно, самостоятельную всё равно пришлось писать.

Татьяна Аполлоновна — одна из красивейших женщин, которых Инге когда-либо доводилось видеть. Легко верилось, что отец ее действительно Аполлон. Фигура учительницы напоминала точеную греческую статую. Длинные, слегка вьющиеся волосы спадали на плечи, как на картинах Боттичелли. Она

обладала такой женственностью, какой может наделить только природа. Плавные движения. Мягкая улыбка. Научиться ничему подобному нельзя. Инга неловким жестом поправила стопку книг и с неудовольствием глянула на свои костлявые локти. Татьяна Аполлоновна — это что-то совершенно недостижимое. Непонятно, что такая красавица делает в их средней школе.

Школа у них вообще-то любопытная. Взять вот хотя бы имена учителей: Руфина Леонидовна, Татьяна Аполлоновна, Борис Иванович — физик, конечно же, Майя Изольдовна, Фаина Лазаревна, Татьяна Трофимовна. Как будто их специально по оригинальности звучания подбирали.

Прозвенел звонок, а все еще сидели высунув языки и решали задачки. Самостоятельная оказалась не такой легкой, как хотелось бы. Только Ковалев поднялся, с деланой небрежностью неторопливо прошелся по классу и отдал свою работу Татьяне Аполлоновне.

На этой перемене Инге захотелось пошатаваться по школе одной. Подходящей компании всё равно не было. С самого раннего детства она дружила только с пацанами. С девчонками и общих игр не находилось, и общих интересов. Кукол Инга отвергала с рождения. Будучи в детском саду, она иногда даже плакала от досады, что уродилась на свет не мальчиком. Поэтому и всей одежде она предпочитала штаны — ни в коем случае ничего розового! И никаких блесток... Мамино любимое вы-

ражение «Ты же девочка!» действовало на нее как красная тряпка на быка, со всей бесящей силой.

Что такое настоящая дружба, девчонки понятия не имеют. Одни сплетни и шушуканья. «Знаешь, что Занадворова о тебе сказала?», «Слышала, как Бильбиян ее назвал?» — и всё это с распахнутыми глазами. Да плевать она хотела! Ингу совсем не увлекало то, что интересовало их. В классе ей удавалось держать нейтралитет, перекинуться парой ничего не значащих фраз, дать списать задание. Хотя она всегда чувствовала, когда тайно обсуждали ее, ненавидела это, но не показывала виду. Несколько более-менее вменяемых одноклассниц всё же имелось, с ними можно было иногда и до дома пройтись, и ручку попросить, если вдруг своя исписалась, — но дальше этого Инга предпочитала отношения не развивать.

Появление новенького и его подозрительное поведение, конечно, вызвали перешептывания и бурные обсуждения одноклассников. Они сбивались в стайки, обменивались мнениями о странненьком ученике и строили догадки, откуда он и как сюда попал. Инга держалась в стороне, но и до нее в конце концов долетело. За пять минут до начала урока, как только Инга уселась за свою парту рядом с Шишкиным, ее тут же стукнула по плечу Алтухова. Инга обернулась.

— Ну как тебе новенький? — с кривой усмешкой прошептала Алтухова.

— Очередной придурок, — отозвалась Инга.